

В. П. Миронова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях

Южнокарельская песня на сюжет «Сватовство в мифической стране Хийтола» повествует о том, как кузнец Илмойллине, главный герой руны, едет сватать красивую Катерину (иногда Анни). Анализируемая руна отражает архаичную традицию – искать невесту вдалеке. В этом факте просматриваются дуальные воззрения первобытного общества, когда каждый род жил на одной территории, вел общее родовое хозяйство, и весь мир в представлении первобытного человека делился на две сферы: «свое» и «чужое». В родоплеменную эпоху брать жен можно было только вне пределов своего рода или родового объединения, таков универсальный принцип первобытного строя – принцип экзогамии. Все это нашло свое отражение в народной культуре, одним из самых распространенных для многих фольклорных традиций, в том числе и финно-угорской, оказывается мотив поездки героя за невестой в «другую землю» или «за семь земель», герой непременно привозит или похищает невесту издалека.

В рассматриваемых южнокарельских песнях кузнец отправляется за невестой в далекую Хийтолу. Мифическая страна Хийтола – другая, чужая сторона, которая в песнях всегда противопоставляется «своей», родной земле. Необычное название берет свое начало от слова *hiisi* – *хийси*, рассматривая этимологию которого можно выделить несколько значений, связанных с языческими верованиями. Имя восходит к названию священной рощи, где запрещалось ломать ветки и рубить деревья и где в древности хоронили умерших. Еще до недавнего времени в этих урочищах существовали жертвенники, куда приносили еду, пиво, деньги, шерсть, одежду. Известны также отдельные культовые деревья хийси – береза, сосна, ель, а также озера хийси, каменные курганы. После христианизации священные рощи были заброшены, и Хийси превратился в злого духа, лешего¹.

По мнению протестантского архиепископа Микаэла Агриколы, хийси – святой лес или возвышенность², современные финские фольклористы, в частности А.-Л. Сиикала считает, что Хийси – это хозяин леса и его обитателей³, все прибалтийские финны поклонялись этому древнему духу Хийси. Упоминание мифической страны Хийтола как обители

мертвых и их душ, страны полулюдей и их останков встречается также в Приладожье и Ингерманландии.

Хийтола представляется как темное, мрачное, чужое, всегда опасное для героя далекое место. По своему описанию она имеет много общего с мифической страной Похъелой, характерной для рун Беломорской Карелии и Финляндии. Находится Похъела далеко на севере, название страны *rohjola*, *rohjoine* переводится с финского как север, дно, задняя часть чего-либо. Хийтола, как и Похъела, отдалены от родной земли эпических героев огромным водным пространством, что отражает мифологическую картину деления мира в горизонтальном пространстве: здесь – свой мир, там далеко за морем или за несколькими морями чужой иной мир.

Южнокарельская песня о сватовстве, в отличие от севернокарельских рун, не дает полного описания Хийтолы, за исключением небольших фрагментов:

«Sada on seivästy
Nijen Hiittolaizen pihas.
Yks on seiväs peätöi seiväs,
Se on sepongi varus!»

Целая сотня кольев
во дворе у Хийзи Хиттолайнена.
Один кол без головы,
тот кол кузнеца ждет.

КЭП. № 167. С. 333
Пялляля, Пряжинский р-он⁴

Далекую, чужую страну Хийтолу, так же как и в севернокарельских рунгах Похъелу, охраняют собаки, лай которых предупреждает о приближении незваного гостя:

Ajau seppo ieleeh
Pitkin merdy myöte.
Solovoit-linnut soitetah,
Kägizet kukutah,
I koirazet haukutah.

Едет кузнец дальше,
Вдоль по морю едет.
Соловьи-птички поют,
Кукушки кукуют,
И собачки лают.

КЭП. № 167. С. 334
Пялляля, Пряжинский р-он

Если мы обратимся к мифологическим рассказам и поверьям, то заметим, что собака в них осмысляется как медиатор, посредник между мирами. Упоминание о собаках Маналы нередко встречается в южнокарельских похоронных причитаниях.

Eigo hodi sie sinuudas tuonnikostu
Tuonen koirazedzi haukuksenneltu?

Не облаяли ли тебя, несчастную, собаки Туони?

КП. № 136. С. 244–246⁵

Таким образом, собака охраняла ворота в иной мир, что нашло отражение в рассматриваемых вариантах как беломорских рун, так и южно-карельских эпических песен.

Кроме Похьелы в севернокарельской традиции потусторонний мир называют Туонелой или Маналой, эти топонимы синонимичны, определяют место обитания умерших и их душ. В мифопоэтическом понимании эта земля находится за огненной рекой Туони, являющейся своеобразной границей и отделяющей мир людей от потустороннего мира. Заметим, что эпический герой никогда не едет свататься в Туонелу или Маналу. Старый мудрый Вяйнямейнен отправляется в Туонелу (Маналу) за тремя чудесными словами или предметами:

Tuoba oli vanha Väinämöini,
Vešti tiijolla venehta,
Luadi purtta laulannalla,
Uibu kolmija šanoja
Parrašpuida pannešša,
Liitokšia liittyy
Läksi Tuonelda oria
Manalalda viändämiä.

Был старый Вяйнямейнен
Заклинаньем делал лодку,
Пением делал челнок.
Не хватило трех слов,
Чтобы борты наладить,
Чтоб накладки наложить,
Пошел в Туони за шилом,
В Маналу за сшивками.

КЭП. № 92. С. 205
Ругозерский район

Таким образом, происходит некоторое разделение в изображении потустороннего мира: карельские эпические герои сватают себе невест в мифической Хийтоле и Похьеле, а в Туонелу и Маналу отправляются только за магическими знаниями. Своего рода исключением является ижорская традиция, где герой отправляется за невестой именно в Туонелу или Маналу:

Päivöin poika Valkiain,
Mannuhn poika, mies mataala,
Satuloi sata hevoista,
Sattoihe satulapuihe,
Tuhattii valjahisse.
Mäni Tuonelta tyärtä,
Manalalta morsianta.

Солнца сын, светила отпрыск,
коренастый сын земли,
Сотню оседлал коней,
на спины одел сто седел,
Тысячу упряжек конских.
К Туони свататься поехал,
К Манале просить невесту.

ИЭП⁶. № 17. С. 67–68

Исследователь ижорской эпической традиции Э. С. Киуру отмечает, что «в ижорских рунах, несмотря на то, что место сватовства и носит название потустороннего мира Туонелы-Маналы, сватающий имеет дело с реальной соседней деревней или даже с домом соседа»⁷. Ижорская эпическая традиция как наиболее поздняя по происхождению, сохранила

лишь название мифической страны, но в песнях эта страна уже не является каким-либо другим чужим или потусторонним миром.

Обращаясь к карельской похоронной обрядности, замечаем, что в причитаниях иным миром, куда отправляется душа после смерти, является именно Туонела. Она может находиться за огненными водопадами и полноводными реками. Переправляли туда умершего на лодке или в челноке:

Sid onhai, sie, sanotah, tulizied jokuot ga.
Kannateltihgo sinuudas kaheksalaidazil karablizil?
Vai kublatettih jo kuuzilaidahizil kut' t'izil?

И, говорят, там есть огненные реченьки,
Так перевезли ли тебя на восьмибортных корабликах?
Или переправили на шестибортных лодочках?

КП. № 136. С. 244

Примечательно, что в южнокарельских говорах гроб называли *guuhi*, но так же называли и челн, плоскодонку, которую в старину делали способом долбления, как и гроб. Одинаковое название гроба и лодки, а также одинаковый способ их изготовления подтверждает предположение о том, что загробный, потусторонний мир находится за водным пространством⁸. Похожие примеры захоронения в выдолбленных древесных стволах встречаются у многих народов Европы – в Англии, Германии, России.

Некоторые ученые оспаривали мнение о том, будто по древним представлениям карел загробный мир был отделен от мира живых каким-то водным пространством. Так, например, финский исследователь Уно Харва пишет, что представление о том, что Туонела находится за водой, «кажется чуждым для карел эпохи язычества, как и для других финно-угорских народов, которые хоронили мертвых в подобии лодки. На севере зарубежной Карелии можно видеть на могилах опрокинутые лодки, но, очевидно, этот обычай вызван тем, что родственники покойника не хотели пользоваться лодкой, в которой везли мертвого, а оставляли ее на кладбище, тем более что верили, будто покойнику в потусторонней жизни понадобится также и лодка»⁹.

Действительно, как отмечает исследовательница карельских причитаний У. С. Конкка, ни материалы самого похоронного обряда, ни тексты плачей не содержат представлений ни об острове мертвых, ни о реке, которую покойнику нужно переплыть. Исключением могут быть только немногочисленные южнокарельские тексты причитаний, где иногда появляется вопрос: приходили ли встречать на лодке без зова или надо ли было просить о перевозе?¹⁰

Этнографические же наблюдения говорят об обратном: кладбища, обиталище мертвых, практически всегда располагались на островах или мысах, на берегах водоемов, по отношению к поселению – «за водой», на некотором расстоянии. Водное пространство тем самым как бы ограничивало освоенную человеком территорию от остальной неосвоенной или малоосвоенной среды.

По представлениям карелов потусторонний мир может находиться и под землей, подтверждение мы находим в текстах карельских причитаний:

Elkyä pankua or'heih ilmoih otroituja ottajaistani olovien ošamultasien alla, jotta enkö voi hot oimun šilmitellä olovien aokojen oltuo oimin šilmittelen Tuonelan or'heista šyntysistä.

Не кладите мою, на доблестный свет меня родившую, принявшую под толстый слой земли. Не смогу ли хоть через заветные сроки посмотреть на нее у славных прародителей Туонелы.

КП. № 2. С. 43
Лоухский район

Таким образом, в общекарельской фольклорной традиции относительно местонахождения разделение мира на «свой» и «потусторонний» может происходить как в горизонтальном, так и в вертикальном пространстве. В анализируемой южнокарельской эпической песне о сватовстве мир «свой» и «чужой» всегда делится в горизонтальной проекции: мифическая Хийтола находится за огромным водным пространством:

Val'l'astele taatoin oršoi,
Yli meres yheksäs,
Puoli on merdy kummenetty.

Запрягая отцовского жеребца,
(Поедем) через девять морей,
Через полморья десятого.

КЭП. № 162. С. 323
Пряжинский район

Невозможно провести четкую, обозримую границу между этими двумя мирами, все эти пространства находятся в постоянном движении. В течение годового цикла было несколько сакральных (переходных) периодов времени, когда можно было наблюдать слияние человеческого и потустороннего миров. К примеру, это зимние или летние Святки, «являющееся своеобразным переходным („пороговым“) периодом, связанным с солнцеворотом, и вместе с тем со временем, маркированным культом предков, культом мертвых»¹¹. Именно в это сакральное время совершались всевозможные мантические обряды: девушки гадали на будущее, предсказывали свою судьбу. В этот период возможно было даже слышать или видеть образы, принимаемые представителями потустороннего мира, например, появление мифического существа Сюдю в виде катящейся копны сена.

Среди карелов были широко распространены поверья о том, что люди могли пребывать какое-то время в мире умерших¹². Чаще всего такие свойства приписывались колдунам, знахарям, обладающим какими-либо магическими способностями. Главный персонаж южнокарельской песни – кузнец Илмойллине. Кузнецов, как людей связанных с одной из природных стихий – огнем, также считали ведунами. Кузнец в сказках «перековывает старого на молодого, кует брачные узы или судьбу людям в заговорах и песнях, изображается в роли „знающего“ человека в мифологических рассказах»¹³. Вероятно, поэтому путешествие кузнеца в мифическую страну Хийтолу становится возможным.

Заметим, что это не простая поездка, а переправа в потусторонний мир, куда герой попадает различными способами. В некоторых случаях Илмойллине запрыгает лошадь и отправляется в путь по морю:

Lähtietäh hyö ajamah
Sulas meres piäliči.
Eigo kastuta kab'azet,
Eigo kastuta d'allakset.

Поехали они
по талому морю,
не промокнут копыта,
не промокнут полозья.
ЭПЮК. № 20. С. 50–51
Вохтозеро, Петровский р-он¹⁴

Из мира реалистического мы погружаемся в мир мифический, где путешествие на коне по морской глади считается возможным и не вызывает ни у кого сомнения. Конь Илмойллине как будто не бежит по морской глади, а летит над ней, не касаясь воды, тем самым напоминая птицу. В фольклоре, в частности в сказках и эпосе, встречается образ крылатого коня¹⁵. В южнокарельском варианте песни о сватовстве в Хийтола конь, по-видимому, сохранил признаки птицы, и поэтому он не бежит, а летит по морской глади.

В других вариантах кузнец Илмойллине едет за невестой на коне-лосе. Появление двойного образа коня – лося в качестве способа перехода в иной мир имеет некоторые предпосылки. Архаичным прообразом перевозчика является, вероятнее всего, лось. Это животное считалось священным в финно-угорской мифологии. В карельской традиции существует гигантский лось Хийси, погоня за которым описана в севернокарельских эпических рунах. Лось Хийси – обитатель мифической страны мертвых. В поздних записях южнокарельских песен образ священного животного лося трансформируется в «гибридный» образ коня-лося, т. е. два священных животных как бы слились воедино.

Согласно остальным вариантам песен о сватовстве Илмойллине отправляется в Хийтолу на лодке. Как мы уже отмечали, лодка представлялась как гроб, с его помощью душа умершего попадала в мир мертвых.

В рассматриваемых песнях лодка служит одним из способов переправы в потусторонний мир.

В некоторых случаях кузнец Илмойллине летит в мифическую Хийтолу на огромном орле. Подобным способом попадают в иной мир герои сказок. В карельской традиции образ орла появляется в свадебных песнях и ассоциируется с образом жениха. Птица в данном случае также является посредницей между мирами.

Итак, при рассмотрении южнокарельских песен о сватовстве определили, что граница освоенного (культурного) и стихийного (природного), «этого» и иного, потустороннего проходит по воде. Мифическая Хийтола находится за тремя- семью морями, только с помощью определенных средств кузнец Илмойллине имеет возможность преодолеть границу между миром «своим» и миром потусторонним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мифы финно-угров. М., 2003. С. 83.

² Kalevalan selityksiä. SKS. Helsinki, 1901. S. 158.

³ Siikala A.-L. Suomalainen samanismi – mielikuvien historia. Helsinki, 1992. S. 34.

⁴ Карельские эпические песни / Изд. подгот. В. Я. Евсеев. Л., 1950 (далее – КЭП).

⁵ Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1976 (далее – КП).

⁶ Ингерманландская эпическая поэзия / Сост. Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1990.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 59.

⁹ Harva U. Karjalaista kansanuskoa ja palvontaa // Karjalan kirja. Helsinki, 1932. S. 477.

¹⁰ Конкка У. С. Указ. соч. С. 60.

¹¹ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 1. СПб., 2001. С. 222.

¹² Конкка А. П. Освоение жизненного пространства: паназерские карсикко // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 229.

¹³ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000. С. 19.

¹⁴ Эпические песни Южной Карелии / Изд. подгот. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006.

¹⁵ См. об этом подробнее: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 170.